

ВРЕМЯ ОБРАЗОВАННОСТИ

Сидим мы на философии. Там преп еще такой был, молодой вроде, но заранее уже облезлый. В буром костюме. Пиджак с него так грустно свисал.

– Мек-си-я-нов...

– Мексиняев.

Полгода он так мучился, два раза в неделю.

В общем, сидим на последних столах, тоска страшная. Гундарин чего-то рисует. Мексиняев вертится. А Ольбинская в этот день купила дихлофос. Макс сильно обрадовался и быстро его стащил. Потом какая-то возня там была, с Гундаринным он о чем-то советовался, а потом ррраз – и скрутил баллончику голову. Очень ловко.

А там же как, там если пульверизатор снести, то весь дихлофос разом вылетает в атмосферу с замечательным звуком и запахом. Но Макс в последний момент успел его пальцем заткнуть и между ног слава богу засунуть. Просто Александр Матросов какой-то. И сидит теперь уже неподвижно весь на табуретке, зажав дихлофос, как курочка на заборе. И Гундарина тихо так пихает – чего делать-то?

– Чего делать. В туалет скажи надо.

А у него руки все неприлично засунуты, баллон же держать надо. Так что Макс мимически препу сигнализирует – хеллоу! Выйти можно?

Тот с удивлением на него смотрит и медленно так – идите, говорит. Он вообще тормознутый какой-то был.

Макс с сильным шумом сползает с табуретки, пытаясь удерживать чего у него там в руках между ногами и одновременно делая непринужденное лицо, с легкой поспешностью выносится к двери. Преп молча созерцает.

Макс вываливается, дверь захлопывается.

Слышно небольшой шумок, и освободительное псссссс!

Тараканов в триста двенадцатой до сих пор, наверное, нет. Да и философии тоже.